

ДЖУД ДЕБЕРО

УТРЕННЯЯ
ЛУНА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д25

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Jude Deveraux
MOONLIGHT IN THE MORNING

Перевод с английского *А.Ф. Фроловой*
Компьютерный дизайн *С.П. Озеровой*

Печатается с разрешения издательства
Pocket, a division of Simon & Schuster.

Деверо, Джуд.

Д25 Утренняя луна: [роман] / Джуд Деверо; [пер. с англ. А. Ф. Фроловой]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 352 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-102030-9

Джекка Лейтон оставила шумный Нью-Йорк и отправилась на лето в тихий провинциальный городок Эдилин — отдохнуть, порисовать, повидаться с лучшей подругой...

Однако там ее неожиданно настигла любовь.

Местный врач, обаятельный и мужественный Тристан Олдридж, виделся с Джеккой лишь однажды, когда ей было лишь девятнадцать, — но хватило и одной новой встречи, чтобы прошлое ожило, а его полузабытое чувство к ней вспыхнуло с новой силой.

Джекка и Тристан счастливы, однако... дни летят, и вскоре безумство страсти уступает место вопросу: как быть дальше? Расстаться — и забыть друг о друге? Или кому-то из влюбленных придется полностью изменить свою жизнь ради другого?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Deveraux, Inc, 2012
© Перевод. А.Ф.Фролова, 2013

ISBN 978-5-17-102030-9 © Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Пролог

*Нью-Джерси
2004 год*

— Папа, — сказала Джекка Лейтон, — я хочу на пару недель съездить в Виргинию — навестить Ким. Думаю, ты вполне справишься в магазине без меня. — Она знала, что ведет себя не как взрослая девятнадцатилетняя женщина, а как капризная маленькая девочка, но ничего не могла с собой поделать.

— Джекка, ты весь год провела со своей подругой, жила в одной комнате с ней и с той, другой девушкой... забыл, как ее зовут.

— Софи.

— Да. И я не понимаю, почему ты не можешь побыть несколько недель со своим старым отцом.

«Он хочет, чтобы я почувствовала себя виноватой», — подумала Джекка и сжала кулаки. Отец виртуозно умел этого добиваться. Можно сказать, довел свое умение до уровня настоящего искусства.

Возвратившись из колледжа два месяца назад, она сразу стала работать в семейном магазине металлоизделий и провела в нем все лето. Отец воспринимал это как должное, сам за это время не взял ни одного выходного и считал, что святой долг дочери — быть по-

стоянно рядом с ним. Джекка замешала по очереди всех сотрудников, уезжавших в отпуска, и не считала, что бесконечное общение с сотнями желающих делать все в доме своими руками означает «побыть» с отцом, поскольку беседовали они в основном о новых сверлах для дрелей и о перфораторах.

Джекка была благодарна отцу за все, что он сделал для нее, и хотела бы подольше побыть с ним, но считала, что имеет право на личное время, и желала в течение четырнадцати дней делать только то, что хочется ей. Лежать в бикини у бассейна. Флиртовать с парнями. Болтать с Ким о... обо всем на свете. Презирать о будущем. Она собиралась стать художницей и изучала искусство в колледже. Ким рассказывала, что ее дом в Виргинии расположен в очень красивом месте, и Джекка мечтала запечатлеть это великолепие на бумаге. В общем, план был превосходным, дело оставалось за малым — уговорить отца, поскольку вряд ли имело смысл бросать ему вызов и идти на открытый конфликт.

Наблюдая, как отец расставляет коробки на деревянных полках, она вспоминала последнее письмо Ким.

«Ты должна провести хоть немного времени на Фраппе-Пойнт, — писала Ким. — Если забраться на скалу, оттуда можно увидеть два округа! Некоторые парни, включая моего брата, сбрасывают на вершине одежду и прыгают вниз — в водоем, расположенный у подножия. Скала очень высокая, и такие прыжки могут быть смертельно опасны. Но это смельчаков не останавливает. Однако и помимо голых мальчишек здесь очень красиво и есть на что посмотреть».

Джекка запаслась терпением и объяснила все отцу, стараясь быть как можно более обстоятельной и вежливой, чтобы показать, что она уже взрослая и принимает обдуманные решения. В конце концов, ей необходимы новые работы, которые она должна представить в колледж в начале нового учебного года.

Отец выслушал ее самым внимательным образом и спросил, заказала ли она десятипенсовые гвозди.

Терпение Джекки иссякло раньше, чем ей хотелось бы.

— Это несправедливо! — закричала она. — Ты отпустил Джоуи на все лето. Почему я не могу провести вдаль от дома две недели?

Джо Лейтон взглянул на дочь с искренним недоумением.

— У твоего брата теперь есть жена, и я надеюсь, что они подарят мне внуков.

— Иными словами, ты дал возможность Джоуи не работать все лето, — задыхнулась Джекка, — чтобы он имел возможность трахать Шейлу?

— Следите за своим языком, юная леди, — промолвил отец и перешел к отделу электроинструментов.

Джекка знала, что должна успокоиться. Она ничего не добьется, разозлив отца.

— Папа, ну пожалуйста, — взмолилась она тоном маленькой послушной девочки.

— Ты хочешь встретиться с парнем, не так ли?

Джекка сумела сдержаться и не закатить глаза, мысленно похвалив себя за выдержку. Отец не мог думать ни о чем другом.

— Папа, там нет никакого парня. То есть у Ким есть старший брат, но он со школы встречается с какой-то девушкой и влюблен в нее по уши. — Она вздохнула и напредила себе, что не стоит отвлекаться. Отец каким-то непостижимым образом всегда узнавал, когда дочь обманывает. А Джоуи даже самая чудовищная лож сходилала с рук. «Я гулял с друзьями», — обычно говорил он, и отец молча кивал. Позже Джекка ехидно предупредила брата: «Если еще раз бросишь использованный презерватив в машине, то найдешь его на своей подушке».

— Папа, — устало вздохнула Джекка, — я просто хочу две недели посплетничать с подружкой и порисовать,

чтобы, вернувшись в колледж, показать Софи и преподавателям одну или две новые акварели, будто я беззаботно отдыхала все лето, а не работала как проклятая в твоём магазине. Вот и все, клянусь тебе!

Взгляд, которым ее одарил отец, заставил Джекку замолчать.

— Пожалуйста, — повторила она после затянувшейся паузы.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Когда ты хочешь ехать?

Джекка прикусила губу, чтобы не выпалить, что готова выскочить за дверь немедленно. Вместо этого она обняла отца за плечи и, слегка наклонив голову, чмокнула его в щеку. Джо Лейтон всегда гордился высоким ростом дочери — она была даже немного выше его — и повторял, что она пошла в мать, в семье которой все женщины были высокие и худощавые.

Зато его старший отпрыск — сын Джоуи — был каждой клеточкой Лейтон. Не выше 160 сантиметров, он был очень плечист и широк в кости, но при этом в нем не было ни грамма жира — только мышцы. Сказалась работа в магазине с двенадцати лет. Джекка называла брата Бульдожкой.

На следующее утро она уже сидела в самолете: не хотелось, чтобы внезапно объявился какой-нибудь подрядчик, у которого украли (потеряли, уничтожили) инструменты и материалы и которому необходимы новые, причем немедленно. Тогда ей пришлось бы остаться, чтобы доставить заказчику на пикапе гвозди, кровельное железо и прочее.

Спустившись по трапу самолета в Ричмонде, Джекка искала глазами среди встречающих Ким, но не увидела ее. Зато заметила отца Ким. Она видела его лишь однажды, но хорошо запомнила этого красивого представителяльного мужчину, который был на несколько лет старше ее отца.

— Все в порядке? — с тревогой спросила она.

— И да, и нет, — ответил мистер Олдридж. — Ночью нам пришлось отвезти Ким в больницу с приступом острого аппендицита.

— Как она себя чувствует?

— Сейчас все в порядке, но ей придется провести в больнице еще несколько дней. Жаль, что мы не успели позвонить тебе вчера, чтобы ты отложила поездку.

— Я два месяца уговаривала отца, чтобы он отпустил меня к вам. Полагаю, в случае задержки мне вообще не удалось бы вырваться.

— Мы, отцы, можем быть проблемой, — усмехнулся он.

— Я не имела в виду...

— Все в порядке, Джекка. Я все понимаю. Как ты думаешь, почему Ким не приезжает к тебе в гости? Я не могу с ней расстаться.

Джекка улыбнулась. Ким всегда говорила, что ее отец — слабый противник.

«Он самый милый человек на свете. А вот мать...» — говорила она.

Софи и Ким уверяли, смеясь, что с матерями часто возникают проблемы. Джекка втайне считала, что проблем с ее отцом хватит на троих.

Они сели в машину мистера Олдриджа и поехали в Эдилиин. Путь был неблизким.

— Ким придется некоторое время оставаться в постели, но могу познакомить тебя со здешней молодежью. У моего сына много друзей, есть еще кузина Сара...

— Не беспокойтесь, мне не будет скучно — я буду рисовать, — сказала Джекка. — Я привезла с собой достаточно бумаги, кистей и красок, чтобы хватило надолго. Ким писала мне о Фраппе-Пойнт... — Мистер Олдридж издал громкий звук, как будто Джекка сказала нечто глупое или неприличное. — Что-то не так?

— Нет, я только хотел сказать, что любое место следует именовать так, как его назвали изначально. То, которое ты имеешь в виду, называется Стерлинг-Пойнт.

Джекка не стала бы клясться, но ей показалось, что мистер Олдридж покраснел.

— Лучше поговори об этом с Ким, — пробормотал он.

— Хорошо, — ответила она.

На несколько минут воцарилось молчание. Его нарушил мистер Олдридж.

— Полагаю, я должен рассказать тебе о моем сыне Риде. Он и его подруга недавно расстались. — Мистер Олдридж вздохнул. — Мальчик впервые узнал, что такое разбитое сердце. Я говорил ему, что это случилось с ним в первый, но не в последний раз, однако он не верит. Бедняга так расстроен и подавлен, что, боюсь, вылетит из медицинской школы.

— Это действительно серьезно. Я думала, он вот-вот женится.

— Мы все так думали. Он и Лаура Чонли со школы были парой. Рид никогда не смотрел на других девушек.

— Но зачем так... — Подумав, Джекка решила оставить свое мнение при себе.

— Ты хочешь сказать, зачем так себя ограничивать? Согласен. Но Рид чертовски упрям — весь в мать.

— Ким тоже, — улыбнулась Джекка.

— О да. Если мои дети что-то решили, переубедить их совершенно невозможно.

— Судя по всему, Лаура изменила Рида?

Мистер Олдридж тяжело вздохнул.

— Собственно говоря, она изменила не характер моего мальчика, а всю его жизнь. Он собирался после завершения учебы вернуться сюда и обзавестись практикой. И честно говоря, не знаю, как он теперь поступит.

Джекка видела Рида Олдриджа лишь однажды, когда Ким въехала в студенческое общежитие, но хорошо его запомнила. Великолепно сложенный роскошный красавчик, эдакий лакомый кусочек. В последнее время

всякий раз, когда Ким заговаривала о брате, Джекка слушала с напряженным вниманием.

— Они поссорились? — спросила она, благоразумно воздержавшись от вопроса, доступен ли он для общения с другими девушками, например, с ней.

— Насколько я знаю, нет. Лаура просто его бросила, в один прекрасный день заявив, что между ними все кончено и она полюбила другого.

— Бедный Рид. Надеюсь, она не выбрала новым объектом своего внимания жителя вашего небольшого городка и Риду не придется часто видеть их вместе.

Мистер Олдридж на секунду отвлекся от дороги и покосился на свою собеседницу.

— Она не настолько деликатна. Лаура увлеклась новым пастором баптистской церкви Эдилина. Если мой сын когда-нибудь пойдет в церковь — а он клянется, что ноги его там не будет, — ему придется слушать проповеди мужчины, укравшего у него невесту.

— Мне так жаль! — с чувством воскликнула Джекка, хотя внутренне ликовала. Красавчик с разбитым сердцем, нуждающийся в утешении! Поездка к подруге становилась с каждой минутой все более интересной.

Приехав в Эдилин, Джекка выразила должное восхищение, которого от нее ждали, симпатичным, аккуратным городком. Исторические здания были отреставрированы и превосходно сочетались друг с другом. Город казался удивительно гармоничным, ни одна деталь не выбивалась из общего ряда, не казалась чужеродной. Современные конструкции из стекла и стали в Эдилине были под запретом.

Как будущий художник, Джекка не могла этого не оценить, но она всю жизнь стремилась вырваться из крохотного городка в Нью-Джерси, в котором выросла, и трудилась ради этого не покладая рук. Поэтому искреннее восхищение у нее вызывали только большие города, такие как Нью-Йорк.

Что касается Рида, он собирался стать врачом, а значит, мог бы работать где угодно. К тому же теперь его связь с Эдилином была разорвана. Джекка представила, как они вдвоем живут в Париже: он — известный кардиохирург, она — художница, перед которой благоговяют французы; они часто приезжают в Эдилин, чтобы навестить Ким.

Машина остановилась перед домом Олдриджей, и Джекка спросила:

— Когда я смогу увидеть Ким?

— В любое время. Жена уже в больнице, и я поеду туда же, как только выгружу твои вещи. Можешь поехать со мной, если хочешь.

— Очень хочу.

Они проехали десять миль от дома Олдриджей до больницы в Вильямсбурге. Увидев Ким, сидящую в постели с альбомом в руках, Джекка с облегчением рассмеелась.

— Похоже, с тобой все в порядке, отдыхаешь.

Родители Ким вышли из палаты, дав возможность подругам поговорить.

Как только они остались наедине, Джекка спросила:

— Я сказала твоему отцу, что хочу порисовать на Фраппе-Пойнт, и он едва не лишился чувств. Почему?

— Ты не сделала этого!

— Сделала, — сказала Джекка. — Так что колись!

— Я же говорила, что нельзя упоминать это название в присутствии жителей Эдилина.

— Ничего подобного ты не говорила.

— Ну, может, и не говорила. — Ким покосилась на дверь и понизила голос: — Это своего рода местный бордель, то есть не совсем бордель, а место, куда приходят потрахаться. И так продолжается уже много десятилетий.

— Десятилетий? — недоверчиво переспросила Джекка.

— После Первой мировой войны — это точно. А она закончилась в...

— В 1918 году, — быстро сказала Джекка. — И прошу, не напоминай мне о той войне — ведь именно тогда был открыт магазин «Скобяные товары» Лейтонов. А если я еще раз услышу о том, что у нас, Лейтонов, есть традиции, которые мы обязаны поддерживать... Ладно, так что там с войной?

— Кто-то назвал это место Мысом французских писем — ну, ты знаешь, что так раньше назывались презервативы, а их там использовали в большом количестве. Постепенно «французские письма» превратились во «фраппе» — так появилось название.

— Понятно, — заключила Джекка. — Значит, я должна называть этот мыс Стерлинг-Пойнтом в беседах со всеми, кому за тридцать.

— Совершенно верно.

— Дай посмотреть, что ты рисуешь, — попросила Джекка и взяла альбом подруги.

Страстью Ким были драгоценности, и она обожала естественные формы. Собственно, это и объединило студенток в колледже. Не важно, о чем заходила речь, — о драгоценностях, картинах или скульптуре, — они предпочитали воспроизводить то, что видят в природе.

— Мне нравится, — сказала Джекка, разглядывая наброски коле в форме веточек. Они словно обнимали женскую шею. — Ты добавишь драгоценные камни?

— Я не могу себе позволить камни. Мне и серебро вряд ли по карману.

— Могу попросить папу, чтобы он прислал несколько стальных подшипников.

Ким рассмеялась.

— Лучше расскажи, как это он отпустил тебя ко мне? И еще, поподробнее, — о тебе и мужчинах, желательно о тех, на которых из одежды надеты только пояса для инструментов.

— С радостью, но сначала ты расскажешь мне о Риде, Лауре и скверном мальчишке-пасторе.

Ким застонала:

— Только не упоминай об этом, если Рид окажется поблизости. И не шути.

Улыбка исчезла с лица Джекки.

— Все так плохо?

— Хуже, чем ты можешь себе представить. Рид действительно без памяти любил эту маленькую шлюшку и...

— Ты всегда придерживалась именно такого мнения о ней?

Ким снова посмотрела на дверь.

— По правде говоря, мое мнение было еще хуже. Я считала ее обыкновенной... заурядной.

Родившись талантливыми, Джекка и Ким были благодарны судьбе, но никогда не сказали бы во всеулышание, что немного презирают людей, которые не умеют творить.

— Насколько обыкновенной? — спросила Джекка.

— Абсолютно. Она никогда не сделала ничего отличающегося от того, что делают все. То, как она одевалась, о чем говорила, что готовила — все это было безвкусным... унылым. Я никогда не могла понять, что Рид в ней нашел.

— Она хорошенькая?

— Да, но ничего выдающегося. Понимаешь, она такая, как все.

— Может быть, по этой причине она и ушла от твоего брата? Возможно, чувствовала себя неуверенно рядом с Ридом, — предположила Джекка. — Я видела его лишь однажды, но, насколько помню, он весьма недурен собой. И вероятнее всего, умен, иначе не смог бы учиться в медицинской школе.

Взгляд Ким стал тяжелым.

— Ты приехала ко мне или к моему внезапно ставшему свободным брату?

— Я узнала, что он свободен, только час назад. Но теперь намерена этим воспользоваться.

Ким хотела что-то сказать, но увидела, что в палату входит ее мать.

— Считаю, что получила мое благословение, — прошептала она и пожала руку подруги.

С благословением или без него, но в течение следующих дней Джекка обнаружила, что не может привлечь внимание Рида. Он был даже красивее, чем ей помнилось, к тому же в свои двадцать шесть лет был близок к тому, чтобы стать настоящим доктором.

Джекка старалась изо всех сил, но он ее не замечал. Она носила очень короткие шорты, обнажавшие стройные ноги, и открытые маечки, демонстрировавшие красивую грудь. Но Рид на Джекку не смотрел. По правде говоря, он не смотрел ни на кого. Он просто бродил по дому в старых джинсах и свитере, иногда сидел, уставившись в телевизор, но чаще его невидящий взгляд был устремлен в стену. Создавалось впечатление, что его тело оставалось живым, а душа умерла.

Пару раз Ким ловила на себе задумчивый взгляд матери Ким и Рида. Похоже, женщина поняла, что Джекка пытается привлечь внимание ее сына. Судя по всему, она это одобряла, поскольку была очень добра к госте. Она даже устроила в ее честь вечеринку и пригласила много гостей, в основном неженатых мужчин. Многие заинтересовались Джеккой, но та ничем не поощряла их. Ее мысли были заняты Ридом.

Три дня она из кожи вон лезла, чтобы привлечь внимание Рида, но наконец сдалась. Он не заинтересовался ею, и, похоже, с этим ничего нельзя было поделать. И она перестала одеваться так, словно ищет работу стриптизерши.

Ким нарисовала ей схему пути до Фраппе-Пойнт. Джекка надела простенькие джинсы и футболку, взяла этюдник и поехала на машине Ким к месту, о котором так много слышала.

Первый день она провела на Фраппе-Пойнт, почти не прерывая работу. Ким была права. От великолепия пейзажей захватывало дух. Там была высокая живописная скала, с вершины которой открывался изумительный вид на окрестные поля и городки. С одной стороны вплотную к скале примыкал чистейший глубокий водоем, поверхность которого сверкала и переливалась на ярком солнце. Сначала Джекка сфотографировала окрестности. Она не любила рисовать с фотографий — собственно говоря, у нее это не слишком хорошо получалось, но надо было учиться.

Она увлеченно работала, стараясь передать легкую голубоватую дымку, поднимающуюся над низменностями Виргинии и постепенно таящую в кронах деревьев, накладывала одну краску на другую, чтобы показать игру света.

Джекка экспериментировала с красками, работая скрупулезно и неторопливо над одним пейзажем и нанося быстрые легкие мазки на другой.

На второй день она не стала забираться на вершину скалы, а осталась внизу, решив уделить внимание цветам, листьям, траве, коре деревьев. Она не старалась придумать какую-нибудь композицию — просто рисовала то, что видела. Природа сама создавала композиции, органичные и совершенные по цвету и форме.

Несколько раз она ложилась на траву, внимательно разглядывая цветочки размером с божью коровку, чтобы потом воссоздать их на бумаге. Она активно использовала цифровую фотокамеру («Огромное спасибо тебе за этот королевский подарок, папа!»), увеличивала изображение, чтобы разглядеть пестики и тычинки, тончайшие прожилки на лепестках и крошечные листочки. В итоге у нее получился цветок, целиком заполнивший лист плотной альбомной бумаги.

Джекка была настолько поглощена своим занятием, что не видела и не слышала ничего вокруг. Неожиданно раздавшийся неподалеку громкий крик заставил ее ис-

пуганно вздрогнуть. Она выглянула из-за кустов и поняла, что, сама того не желая, хорошо спряталась и увидеть ее можно, только подойдя очень близко.

Взглянув вверх, она увидела стоящего на краю скалы мужчину. Солнце светило ему в спину, поэтому лица она не разглядела. Его красивое тело было обнажено. Судя по всему, он намеревался совершить один из печально известных прыжков со скалы в водоем.

— Этот прыжок я посвящаю тебе, Лаура Чонли! — крикнул мужчина. — Прощай навсегда!

Джекка испуганно ахнула. Рид Олдридж! Пребывавший в глубочайшей депрессии молодой человек собирался прыгнуть с головокружительной высоты в водоем, вероятно, чтобы свести счеты с жизнью!

Девушка отбросила рисунок, споткнулась о чемоданчик с красками, в результате чего разноцветные тюбики покатались по траве, и выскочила из своего укрытия.

— Нет! — истошно завопила она. — Рид, не надо!

Однако он ее не услышал. Охваченная ужасом, она следила, как он поднял руки, оттолкнулся и грациозно прыгнул головой вниз со скалы, вошел в воду мастерски, почти без брызг.. и не выплыл.

Прошло много минут, но голова Рида так и не появилась на поверхности. Повинуясь не разуму, но инстинкту, Джекка подбежала к кромке воды и прыгнула в нее в чем была — в одежде и туфлях. Она была не слишком хорошей пловчихой, но уверенно держалась на воде и надеялась заметить Рида в глубине, поскольку вода была удивительно чистой и прозрачной.

Она нырнула с открытыми глазами, но ничего не увидела. Вынырнув, глотнула побольше воздуха и снова устремилась в глубину, стараясь как можно дольше задерживать дыхание. Рида не было видно. При третьей попытке Джекка заметила что-то впереди себя. Она рванулась вперед и ухватила за чью-то лодыжку.